

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДУБЛЕТНОСТИ

Э.Т. Гутиева

Параллельные формы множественного числа в осетинском языке встречаются как у заимствованных слов, у которых могут быть приметой ассимилированности слова, так и в парадигме склонения исконных слов. Такие формы отмечены преимущественно в терминосистеме родства, анализ которых позволяет уточнить представления об этимологическом развитии отдельных слов и общегрупповых морфологических, семантических процессах в системе терминов родства. Экстраполяция данных других языков, а также диахронический анализ осетинского материала позволяет восполнить недостающие элементы матрицы. Вывод о языковой потребности маркировать морфологическим способом различные значения, оформлять собирательное плюральное, отмеченного в ряде языков для различения простого множественного и собирательного, а также обозначить стилистическую принадлежность той или иной формы основывается на сопоставлении параллельных форм множественного числа терминов родства. Особое внимание уделяется отсутствию регулярной формы множественного числа у осетинской лексики ус “жена”. Наличие параллельных форм может отражать первоначальное существование паронимов, у которых, ввиду минимальности семантической дистанции между ними и высокой омонимичности, происходила контаминация парадигм склонения. Пароним, оформленный суффиксом терминов родства, мог обозначать “жена”, соответственно, пароним без форманта мог употребляться в значении “женщина”. На образование форм множественного числа могли оказывать влияние и другие языковые процессы. И возникновение, и утрата дублетных форм могли быть обусловлены экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: множественное число, грамматическое значение, парадигма склонения, термины родства, архаизация, институт брака.

Проблемы абсолютных синонимов обычно обсуждаются в свете семантической избыточности, от которой языки освобождаются либо в результате архаизации одного из элементов, либо семантической дивергенцией или же стилистическим нишированием обоих элементов. Этот же алгоритм развития применим и к морфологически параллельным формам. Количество примеров дублетных форм в современных языках ограничено. Унификация узуса и литературной нормы, прескриптивность грамматик в большинстве языков способствовали выравниванию и нивелированию словоформ. Таким сравнительно редким явлением следует считать параллельные формы множественного числа, анализ которых требует максимально

возможной глубины ретроспекции, так как избыточность плана выражения, вероятнее всего, восходит к стадии изначальной лексической, грамматической, стилистической вариативности.

Дублетная плюральность в ряде языков может быть также приметой заимствованного слова. Так, в случае *фельдиеры-фельдшера* нет видимых причин для двойного множественного кроме недостаточной ассимиляции заимствования в языке-реципиенте, тогда как кодифицированной нормой в настоящее время считается *доктор-а*, которая вытеснила в разряд устаревших форму *доктор-ы*.

Иногда в язык при заимствовании проникают сразу формы и единственного, и множественного числа, как у ставших ан-

глийскими *phenomenon* и *phenomena*, сохраняющих неприкосновенность специфической парадигмы, несмотря на то, что фиксируется и редко употребляемая, регулярная для принимающего языка, форма *phenomenons*. Другим примером может служить *cactus*. У данного названия стеблевых суккулентов в настоящее время лексикографически зафиксированы две формы множественного: заимствованная форма *cacti* и образованная по продуктивной модели собственно английского словоизменения – *cactuses*. Их сосуществование – это своеобразный компромисс, и предугадать, какая форма окажется более жизнеспособной, практически невозможно, т.к. возможен и третий сценарий – обе формы могут удержаться в языке ввиду низкой коммуникативной релевантности слова и, как следствие, незначительности его места в языковой картине той части англоговорящего населения, в чьей географической нише нет кактусов.

Интересно, что в осетинском языке «нарочитость» натурализации иноязычных единиц становится дифференциальным признаком, маркером стилевой принадлежности: такие формы маркируются как разговорные варианты. Заимствования обычно склоняются по алгоритму регулярного множества, по модели которого от единственного числа *стъол* «стол» образовано *стъол-тæ*. Вариант *стъæлттæ* с переднеязычной перегласовкой гласного корня и геминацией форманта *-т-* является менее частотным и атрибутируется пометой «разговорный». Аналогичным образом у слова *макъарон* «макароны», которое привычнее употреблять именно не в единственном числе, отмечены формы – нейтральная: *макъаронтæ*, несколько сниженная: *макъарæттæ* [1, 149].

Основную группу исконных слов с параллельными формами множественного числа составляют термины родства.

Терминосистема родства в осетинском языке, как и во многих индоевропейских языках, относительно замкнута и достаточно стабильна, обладает значительным информационным и реконструкционным по-

тенциалом, продуктивна для установления не только внутриязыковых закономерностей и процессов. Признание таких систем не только лингвистическим феноменом, но как исторически и социально обусловленных, восходит к работе Л.Г. Моргана «Системы родства и свойства человеческой семьи», название которой декларирует важность рассмотрения терминов обоих видов родства – *consanguinity and affinity* [2]. Для данного исследования проницаемость границ между ними принципиальна.

В осетинском языке некоторые члены группы с «длинной, индоевропейской историей» имеют «своеобразную форму во множественном числе».

Данное своеобразие описано В.Ф. Миллером следующим образом: «имеется несколько слов, образующих множ(ественное) число необычным образом: перед показателем множественности появляется еще элемент *-æл*. А. Шёгрэн считает это «простым приращением» [3].

Это явление характерно для нескольких терминов родства *мадæлтæ*, *фыдæлтæ*, *æрвадæлтæ*, «нарушающих универсальность того или иного грамматического типа». Как видно из этих форм, множественное число трех терминов родства выглядит так, как если бы основа была *мадæл*, *фыдæл*, *æрвадæл*, хотя в единственном числе мы имеем только *мад*, *фыд*, *æрвад* [4, 306].

Миллер сравнивал форму *фвдæл* с санскритскими формами, а Шифнер считал, что «при объяснении осетинских форм надобно иметь в виду не только наследованное от глубокой древности, но и достояние, общее этому языку с прочими кавказскими языками» [5, 19].

Однако представляется более продуктивным рассматривать это явление именно как достояние индоевропейской древности.

Для объяснения этого исключения авторы «Грамматики осетинского языка» привлекают иранские факты: в древнеиранском основы на *-tar*, к числу которых относятся приведенные термины родства, в именительном падеже единственного

числа «не имели конечного *-r*: *mātā, pitā, brātā*. Но в именительном падеже множественного числа (а равно и в других падежах) выступал полный вид основы на *-tar* – *mātar, pitar, brātar*. Эта полная основа и *выступает* в осетинском в формах множественного числа» [6, 32].

Такая «пульсация» форманта достаточно типична для терминов кровного родства в той части индоевропейского мира, которая за пределами германских и италийских языков.

В отличие от иранских, славянских языков и в частности русского в осетинском языке и распределение, и сохранность общих корней специфичны, и закономерно экспликации суффикса тоже. А в терминах сходства можно обсуждать нерегулярность или отсутствие закономерности в употреблении данного суффикса в разных языках. Например, в парадигме склонения *дочь, мать* маркированными являются все формы косвенных падежей единственного (кроме винительного) и все формы множественного числа. Во-вторых, в парадигме русского *брат* от праиндоевропейского **bhrater-* формант так и не появляется. В-третьих, из надежно реконструируемых терминов *сестра* сохраняет в своей структуре формант во всех формах, в том числе и в именительном падеже единственного числа. До настоящего времени единственным когнатом корня в осетинском считается иронское *хо* / дигорское *хорæ*.

В осетинском отличная от перечисленных закономерность, т.к. по этому критерию единообразно противопоставлены формы единственного числа формам множественного. Данному явлению можно дать несколько интерпретаций. Согласно первой, в единственном числе лексемы общеиндоевропейского происхождения наряду с универсально представленным во всех языках корнем «мать» – *мад*, а также «отец» – *фьд*, и *æрвад* – развитие корня *брат*-, утрачивают данный формант во всех формах единственного числа, однако во всех формах множественного числа он отмечен. Либо, напротив, формант присутствует во всех формах множественного числа, тогда

как формы единственного не утрачивают, а изначально не имели его. Также можно полагать, что отсутствие форманта в именительном падеже в осетинском могло распространиться на всю парадигму единственного числа уже в позднее время.

Многочисленность сценариев развития отдельных лексем затрудняют возможности выведения общего алгоритма и определения «эталонной» и самой «исконной» системы.

Из терминов свойственного родства в осетинском языке параллельное множественное отмечено у нескольких терминов, точнее у существительного *ус* «жена, замужняя женщина, женщина» и некоторых его производных. Уникальность словоизменения *ус* в том, что из двух зафиксированных форм множественного ни одна не является непосредственным развитием основы единственного числа. Данный слабый супплетивизм может отражать утраченные этапы развития как самого слова, системы словоизменения, так и института брака.

Можно только допускать саму вероятность некогда существовавшей и канувшей в небытие «правильной» формы **устæ* от единственного числа *ус*, но в современном осетинском языке нормой для множественного числа является форма *ус-т-ытæ* с эпитезой дентального согласного *-т-* между корнем и интерфиксом. А. Шёгрэн считает *ус-т-ытæ* «не настоящей первобытной» формой [3, 75-76].

Однако, наряду с *устытæ*, В.Ф. Миллером зафиксирована форма *устæлтæ*:

ир. *ус* мн.ч. *устæлтæ* и *устытæ*
диг.
уоса мн.ч. *уостæлтæ* и *уостытæ* [4, 306].

У Х. Хюбшмана в разделе о перебое *r/l* также есть иллюстрация о двойном множественном:

в иронском: *ūs/ ūstältä neben ūstitä*
в дигорском: *vosä vostältä vostitä* [7, 108].

Данный факт может быть регистрацией пережиточной стадии перехода от мотивированного существования дублетной плюральности к сосуществованию ставших/становящихся избыточными словоформ.

За минувшие полтора столетия имела место абсолютная архаизация *устæлтæ*, и представляется, что уже ко времени фиксации данного варианта могло произойти значительное сокращение сферы его функционирования и осуществлялось его вытеснение из языка.

Отсутствие контекстов, где была бы отмечена данная форма, задает особую модальность попыткам ее описания, обусловленную невозможностью применения методов компонентного или контекстологического анализа. С другой стороны, лингвистическая экстраполяция позволяет на основе сопоставления с подобными явлениями в самом осетинском языке и в известных языках анализировать формы множественного числа осетинской лексики *ус*. Репрезентативность и надежность экстраполяции зависят от учета максимально исчерпывающего списка интралингвистических и экстралингвистических факторов и их возможных комбинаций.

Языковой потребностью в параллельном множественном, как явствует из материала разных языков, могла быть, помимо упомянутого усвоения заимствования, необходимость: 1. значений многозначного слова; 2. различия паронимов; 3. морфологического размежевания омонимов; 4. различия простого множественного и собирательного, 5. оформления стилистических характеристик.

В качестве примера различия значений многозначного слова можно привести формы *мужи* и *мужья*. Сема родства традиционно не считается изначальной в семантическом объеме терминов родства [8]. Соответственно, если, как считают многие исследователи, развитие и приращение семантического объема «мужчина» шло за счет приобретения семы родства «муж» – то это может быть различие хронологического порядка: *мужи* от первоначального значения, форма множественного *мужи* представляется образованной по более регулярной словоизменительной модели, появление неомонимичного множественного *мужья* манифестирует важ-

ность различия разных значений полисемантического слова. На следующем этапе происходило и стилистическое размежевание, формально проявляющееся именно во множественном числе – *мужья* признается нейтральным, а *мужи*, как и соответствующая ему сема, приводится с пометами «устаревшее», «высокое», «поэтическое». *Муж* в его первоначальном несемейном значении практически абсолютно замещено производным первой ступени деривации от этой же основы: *муж-чина*. Аналогичным образом слово *сын* в семейном значении имеет отдельную форму *сын-новья*, которая маркируется как нейтральная по сравнению с формой *сыны*.

Проблема паронимов обсуждалась исследователями при анализе этимологии *ус* и *устыта*, которые В.И.Абаев возводит к ведийским *yoṣit* «женщина» и **уаиṣā*, от которого ведийская форма «молодая женщина», «жена» [9, 20]. Не исключено, что «подобная паронимическая пара могла быть и в осетинском – *ус* и **уст-* с последующей контаминацией этих слов ввиду минимальной семантической дистанции между ними и высокой омонимичности».

Форму *ус-т-ытæ* можно также рассматривать в сопоставлении с примерами укоренения некорневого неэтимологического дентального согласного (*Нар-т-æ*, *цæс-т-ытæ*, *мыс-т-ытæ*) и считать тавтологическим множественным числом [10, 47-48].

Современные осетинские плюральные формы терминов родства приведены в таблице наряду с формами именительного падежа единственного числа (табл. 1).

Курсивом в таблице 1 выделены низкочастотные формы. Обращаем внимание, что в столбце «множественное по модели регулярного» все словоформы относятся к данному разряду редких форм, т.к. для всех терминов в настоящее время предписывается оформление множественного с формантом родства.

Презумпция о большей логичности и регулярности системы склонения терминов родства в недавнем прошлом не относится к области спекулятивных рассуждений. Шёгрен в середине XIX в. фиксирова-

лись формы множественного числа в «родовых именах», образованных «по общим правилам» в тагаурском варианте осетинского языка – *фыдтæ*, *мадтæ*, *æрвадтæ*.

Таблица 1.

Осетинские термины родства

ед. ч.	пароним. единица	мн. регуляр.	мн. с суффиксом терм. родства	мн. нерегуляр.
фыд	-	-	фыдæлтæ / фыдтæлтæ (диг.)	-
мад	мадæл	мадтæ / мадтæ	мадæлтæ / мадтæлтæ (диг.)	-
æрвад	-	æрвадтæ	æрвадæлтæ / æрвадтæлтæ (диг.)	
ус	-	-	устæлтæ	устытæ

Автор отмечает, что дигорские «отступают от выше изложенных общих правил». Форма *фыдæлтæ* тагаурцами тоже употреблялась, но «в смысле: праотцов и родителей» [3, 75-76]. Таким образом, превалирующий спрос на собирательное множественное осуществлялся последовательно, и, возможно, в дигорском, где регулярные формы не установлены, они могли подвергнуться архаизации несколько раньше.

Разное оформление множественного числа могло быть вызвано потребностью в снятии омонимии.

В русском языке формы множественного числа более дискретны, чем единственного: *листья* (деревя) и *листы* (бумаги); *хлебы* (выпечка, готовое изделие из хлеба) и *хлеба* (посевы); *счета* (финансовые документы), *счеты* (претензии) и *счеты* (устройство для счета).

В осетинском языке две формы множественного – *халтæ* и *хæлттæ* – отмечены, например, у *хал* I «травинка; былинка; нитка; вереница», тогда как у омонимичной единицы *хал* II – «жребий» только *хæлттæ* [11, 409-410].

Цепная реакция вымывания регулярной формы у членов группы родства могла начаться в парадигме склонения *фыд* «отец», рефлекса протоиндоевропейского **prā-tēr* с закономерным для осетинского языка перебоем инициального согласного. Корень *фыд* – высокоомонимичная одноложная единица. Из лексикографированных четырех лексем у трех множественное

число *фыдтæ*: I. плоть-мясо, II. жернова, IV. горести соответственно [11, 359-361].

В случае с *фыд* III «отец» элиминации формы **фыдтæ* могло способствовать не только количество омонимов, но и высокая частотность их употребления, а также отрицательная коннотация омонима *фыд* IV со значением: 1. «зло, неприятность; недостаток; вина»; 2. «дурной, зло». Собирательное множественное *фыдæлтæ* «отцы, предки» от основы паронимической единицы **фыдæл* могло вытеснить сосуществующую форму множественного числа. Это могло быть обусловлено в том числе и внеязыковыми изменениями, касавшимися отцовства как биологического и как социокультурного феномена, и касаться материнства и родительства вообще.

Высокую доказательную силу имеют явления в парадигме *мад*-, представленной наибольшим количеством вариантов, что свидетельствует о наибольшей резистентности форм данного корня. В современном осетинском языке общеиндоевропейский корень **māter*- представлен двумя рефлексами *мад* и *мадæл*. В связи с этим форма *мадæлтæ* представляется наиболее мотивированной из приведенных в разряде «множественное с формантом термина родства»: *мад* < *мадтæ*, *мадæл* < *мадæлтæ*. Либо уже существовала практика маркирования формантом родства только форм множественного числа, соответственно.

Слово *мадæл* имеет значения: 1) мать; 2) самка, матка [12, 234-236]. Оно чаще

употребляется по отношению к животным и насекомым, когда актуально указание на биологический пол, на фертильность женской особи и наличие потомства. Однако зафиксированные единичные примеры в фольклорных текстах *мадæл устытæ* «матери-жены», *мадæл сылгоймæгтæ* «матери-женщины» свидетельствуют о том, что круг референтов у него в недавнем прошлом был шире. С другой стороны, *мадæл* может быть примером обратного словообразования либо от форм множественного или не сохранившихся форм косвенных падежей, либо от основы соответствующего прилагательного на *-ya-: *matarya [15, 66].

В современных грамматиках, словарях приводится лишь форма собирательно-множественное в языке есть. В связи с этим окказионально используются формы *мадтæ* и *мадтæ*, у Шёгрена фиксируется только вариант *мадтæ*. Единичный характер употребления не позволяет классифицировать их как разговорные, поэтизмы или диалектизмы, также не представляется возможным сравнить эти две формы между собой. Вариант с перегласовкой гласного корня *мадтæ* более отвечает словоизменительной модели осетинского языка, чем *мадтæ*, но используется также спорадически: «Алы диссаг, Алы дзаума Ме 'мкарæнтæ фелхæдтой сæ мадтæн». – «Всяких диковинок, Всяких вещей Мои ровесники накупили своим матерям – каждый своей матери» [13, 236].

А у Хадзы-Умара Алборты в названии произведения «Мадæлты поэмæ» употреблена «правильная» форма, тогда как в тексте поэмы есть эрративная форма индивидуализирующего множества *мадтæ*: «Ды – мадты Мад, мах – де 'ртæхтæ...» – «Мать матерей Ты, Мы – твои частички...» [14, 12].

Соответствующая форма множественного числа могла быть у каждого члена паронимической пары, например, *фыд* < *фыдтæ, *фыдагел < *фыдагелтæ*. Но в отличие от *мад*-, у которого разные формы единственного и соответствующие им формы множественного, у остальных рассма-

триваемых слов в современном языке не фиксируются подобные паронимы. Допущение о том, что в протоосетинском, возможно, были формы не только **madæl*, но и **ærvadæl* «relative» (родственник) было сделано Р. Бильмайером [15, 66]. Однако в современном языке нет пары – *æрвад* – **æрвадæл*, несмотря на наличие двух форм множественного числа.

Слово *æрвад* «употребляется в основном как родич, однофамилец, член рода отца» [16]. Осетинское (*æ*)*rvad*, и армянское *elbayr* 'брат' – рефлекс протокорня **bhrātēr*, демонстрирующего идентичную метатезу плавного [17, 28].

Некоторые исследователи полагают, что разница между двумя формами множественного *стилистическая*: *æрвадæлтæ* нейтральный и просторечный *æрвадтæ* (братья) и рекомендуют придерживаться первого варианта [1, 148-149].

На наш взгляд, их большую релевантность и семантические различия следует нюансировать в сохранении дублетного множественного, а не приписываемые стилиевые различия: *æрвадтæ* – это индивидуальные родичи, братья / кузены, члены родственной фамилии, *æрвадæлтæ* имеет собирательное значение – родственные фамилии, кланы.

О.Н. Трубачев приводит пример осетинской лексемы в рассуждениях о семантическом развитии протокорня в рамках перехода индоевропейской терминологии к описательной от «более общего термина, ср. греч. *φράτωρ* – 'член фратрии', которое, возможно, отражает древнее значение индоевропейского слова 'член мужского союза, фратрии' не просто 'родной брат', и рассматривает греческое 'член мужского союза, фратрии' и осетинское 'член того же рода, родич' в качестве остатков древнейшего, классификаторского употребления [8].

В английском у рефлексов протокорня **bhrātēr* две формы множественного *brothers* и *brethren* в результате семантического размежевания означают, первое – «биологические братья (multiple male siblings), тогда как *brethren* актуализирует сему не биологического, а духовного брат-

ства, конфессиональной принадлежности, принадлежности к мужскому союзу члена фратрии – «the body of members, especially of a fraternal, religious or military order».

Исторически множественное число *brethren* оформлено в форме *children*, но это касается только форманта *-en*, тогда как *-r-* имеет другую природу. Данная форма *children* – пример «реликтового» двойного множественного, т.к. в его структуре фоссилизированы два форманта плюральности *-r-* и *-en*, отражающие разные стадии гетерогенного словоизменения в английском до его стандартизации. Возможно, происходило переосмысление суффикса множественного числа *-r-* ввиду омонимичности в суффикс родства, вследствие чего появление плеонастического множественного. Интересно, что ни унификация плюральности, ни аналогическое выравнивание не коснулись данного слова, и продуктивная модель словоизменения с помощью *-s-* не вытеснила данной словоформы собирательного множественного, мимикрировавшей в группе терминов родства. Иллюстрацией того, что формант родства может совпадать с другими словообразовательными элементами, может служить иранское *gātār* «сожитель, муж», которое является отглагольным существительным. Следует учитывать и то обстоятельство, что *gātār* – это термин свойственного родства.

Существуют проблемы реконструкции парадигмы склонения славянских рефлексов корня *брат-*. Рассматривая переходы в различные типы основ, О.Н. Трубачев пишет о собирательных существительных, о том, что эта форма стала впоследствии восприниматься как множественное число: «Во многих славянских языках она стала выступать как единственное выражение множественности, вытеснив правильную форму, которая сохраняется в чешск. *bratri* (в то время как чешск. *bratri* отражает **bratrъja* – через др. чешск. *bratrie*), укр. *брати*» [8]. Кроме того, особенное распространение в роли множественного числа получила в славянских языках диссимилированная форма от *bratrъja*: русск. *братья*, польск. *bracia*, болг. *братя* [8].

В современном русском языке *братья* и *брАтья*, возможно, восходят к разным формам, например, собирательной и диссимилированной, но различаются по другим параметрам: *братья*, в отличие от нейтральной формы *брАтья*, имеет фамильярно разговорную окраску, и в данной паре средством различения омографов служит разноместность ударения.

В осетинских формах перенос ударения не является дифференцирующим признаком. Лексемы *фыдæлтæ* и *устæлтæ* можно объединить по характеру ударения, в обоих случаях ямбическое ударение не на корневой слог.

В трех случаях из четырех – *фыдæлтæ*, *мадæлтæ*, *æрвадæлтæ* – собирательное значение множественного, что дает основание полагать и собирательность значения у несохранившегося *устæлтæ*. Можно полагать, что форма *устæлтæ* является следствием аналогического выравнивания по другим лексемам родства – частого соположения слов данной категории. В таком случае причина его последующего исчезновения на фоне приоритизации собирательного множественного и укрепления позиций всех остальных форм собирательного множественного противоречит тенденции к выравниванию. «Вероятно, влиянием аналогии этих имен объясняется и множественное число от двух других слов – *ус* (женщина) и диг. *носта* (сноха): д. *носта* (*нуоста*) – мн.ч. *носталтæ*» [4, 306-307].

У Фр. Тордарсона в интерпретации множественного числа терминов родства (plural in kinship) отмечена особенность словоизменения в дигорском варианте осетинского языка, где формант вышел за рамки собственно группы родства: *zurd* – *zurttæltæ* «слово – слова» [18]. Более широкое функционирование форманта в дигорском может означать, что форма *устæлтæ*, отмеченная и в иронском, могла быть воспринята под влиянием дигорского, либо, как предполагалось выше, архаизация регулярных форм имела место в дигорском раньше. Сопоставление *устытæ* и *устæлтæ* позволяет возводить их к основам **уст-* и **устæл-/ *устæр*.

Более того, в иронских (по В.Ф.Миллеру), но скорее в дигорских формах множественного числа существительных *мад*, *фыд*, *арвад* – также отмечены дублетные формы. Наряду с *мадалта*, *фыдалта*, *арвадалта* отмечены формы *мад-т-алта*, *фыд-т-алта*, *арвад-т-алта*. Правильная их интерпретация важна именно для восстановления этимона *ус*, к допущениям о возможной протооснове – **ус/*уст/*устар/* в таком случае может добавляться **усар*. Все формы могут продуктивно разрабатываться в сопоставительных исследованиях.

Если семантическое приращение сопровождалось необходимостью морфологического оформления, то в таком случае две параллельные формы множественного числа могут отражать первоначальное различие основы с суффиксом: **устар* – «жена», «родственница» и без суффикса: **уст* – «женщина». Заметим, что как термин родства, хоть и не кровного, а свойственного, слово могло быть оформлено суффиксом, и формы единственного числа были не омонимичными, а дублетными **ус(т)* и **устар*, хотя характер морфологической производности может не отражать хронологию семантическую, как и в отношении русских слов, где также произошло перераспределение, и если более общее значение предшествовало семейному, то «женщина» – более возрастная сема, чем сема «жена» с производным характером, как и *муж*, младше по значению, но *мужчина* – младше по возрасту деривации на одну ступень.

Вопреки ожиданиям, суффикс термина родства не обязательно подчеркивает принадлежность семье; в русском языке узуально закреплен в религиозном значении – *матерь*, *Матерь Божия*, и, как следствие монотеистического характера христианства, всегда в единственном числе. Формы единственного числа у лексем *мать* и *матерь* омонимичны, за исключением именительного и винительного. Подобное оформление могло быть вызвано интерференцией латинского, но с другой стороны, вся парадигма склонения в пользу того, что семантическую нишу пришлось искать

именно усеченной форме – раз все падежи, кроме именительного и винительного, с формантом родства. Вопрос об основах единственного числа с суффиксом родства и без такового – это отдельная, очень сложная и чрезвычайно важная проблема.

В данном контексте восстановление формы, или, точнее, всех форм единственного числа *ус*, актуально для установления этимона данной осетинской лексемы и определения ее когнатов. Каждое уточнение важно для корректировки вектора поиска как в самом языке, так и в безбрежном индоевропейском пространстве.

Обращаем внимание на тот факт, что в латинском языке также имеются две формы единственного числа, краткая *их-* считается усеченной формой от *ихōr-* ‘жена’. Последний сегмент в *ихōr*, по мнению Г.В. Дзибеля, возможно, «подвергся влиянию со стороны термина *sorōr* (<**sosōr*) *сестра* в период, предшествовавший латинской ротацизации» [17, 29-30]. Считается, что усеченная форма – результат узуального использования в юридической практике. В двух вариантах существовала формула *et ixor* и *et ix* «...и жена», отсутствие необходимости называть супругу называемого истца знаменовало гендерное неравенство. На наш взгляд, *их-* и *ихor-* являются паронимической парой подобно другим членам группы (*дочь-дочь, мать-матерь*).

В контексте осетинского *устыта* – *усталта* интерес представляет двойное множественное термина «сестра» в ишкашимском языке (бесписьменном восточно-иранском языке) – у которого «существует два способа образования множественного числа – *ixodar-in / ixo-in*» [19, 204]. Во-первых, это также лексема женского рода, во-вторых, тоже различается по наличию-отсутствию суффикса родства в формах множественного числа.

Некоторые языковые причины нестандартности парадигмы склонения можно экстраполировать из других языков, не исключая и специфичность развития в осетинском и каждого отдельного случая.

Во-первых, избыточность форм множественного могла быть результатом параллельного развития отдельных парадигм у форм именительного и звательного падежей. Формы звательного есть, например, в русском, как архаичные *человѣче, старче, отче*. И если вокативы употребляются коммуникантами в различных ситуациях диалогического общения, то высокий удельный вес коммуникации в рамках семьи самоочевиден. В современном осетинском употребительны *чызгай* (обращение к девушке, к дочери), *усай* (обращение к жене). Кроме того, роль терминов родства не ограничивается рамками семейного общения, т.к. особенностью речевого этикета во многих лингвокультурах является использование их в качестве обращения к адресату, даже незнакомому. В английском упомянутое выше *brethren* часто используется именно в апеллятивной функции. Отсутствие родственных отношений между коммуникантами не препятствует этому в различных ситуациях общения, кроме, пожалуй, официально-делового стиля. Следует уточнить, что именно термины кровного родства могут выполнять контактоустанавливающую функцию, тогда как термины свойственного родства неуместно употреблять за рамками несемейного общения.

Потеря форманта могла быть следствием апеллятивной функции терминов родства, закрепленной фамильярностью общения в кругу семьи, а звательные формы с усечением основы были впоследствии переосмыслены в формы именительного падежа. Возможно, данным обстоятельством обусловлено противопоставление основы именительного всей остальной парадигме в целом ряде языков.

Во-вторых, общеиндоевропейской грамматической реалией было существование двойственного числа. Его элиминация могла быть обусловлена комплексом факторов разного порядка – она могла происходить в рамках общего упрощения морфологических парадигм во многих индоевропейских языках, которое в каждом языке носило специфический характер. Форма эллиптического двойственного

числа у термина родства отмечена в санскрите *pitārā(u)* «родители» [8, 7]. Не исключено, что двойственное множественное существовало и в протоосетинском. Оно могло быть безвозвратно утеряно, либо некоторые существующие формы множественного являются его рудиментарными формами, не элиминированными со всей категорией, но утратившими свое основное значение и переосмысленными в простое множественное. Подобное допущение было сделано при интерпретации соматизма *цæст* «глаз». Эпитеза дентального *-т-* в основе *цæс-т* могла быть результатом переосмысления двойного множественного в единственной ввиду нормальности двойного для данного парного органа [10, 47]. В таком случае можно полагать, что формы **уста, *устыта, *устæлта* были отражением формы простого, двойственного и собирательного множественного.

Существование двойных форм множественного может быть языковой фиксацией развития общественных институтов, в частности, института брака, которые аберрация времени не позволяет правильно интерпретировать. С изменениями семейного уклада, ролевых функций членов семьи, аксиологии, в условиях различных форм брака – ограниченная полигамия, бигамия, длительный конкубинат, моногамия – могли меняться семантика, оценочность и употребительность терминов родства.

Отжившее или социально неодобряемое неприкосновенно в фольклорных текстах. Так, в Нартовском эпосе осетин встречаются «примеры архаичной системы родства, не согласующейся с современными представлениями о браке, такие как женитьба брата на сестре или женитьба отца на жене своего сына» [20]. В живом языке нет неприкосновенных зон, и экстралингвистический контекст находит отражение, непрямолинейное и несимультанное, на разных уровнях языковой системы, опосредованное многими факторами.

Если исходить из презумпции, что **ус* номинировало жену одного мужчины, соответственно, **уста* могло означать жен одного мужа. В условиях регламентации

брачных отношений, развития канона многоамного брака и дискредитации полигинии, *устæ могло быть переосмыслено из нейтрального понятия в осуждаемое, либо стать избыточным за ненужностью в парадигме «один муж – одна жена». Тем меньшей становилась потребность в собирательном множественном *устæлтæ. Та же логика, если *устæ – это двойственное число, довольно востребованное в условиях бигамии, но уравнивающее всех жен и konkubin, независимо от их социального и maritalного статуса.

О том, что форма *устæ могла быть в системе языка, говорит тот факт, что в композитах со вторым элементом -ус- множественное число регулярное встречается. В осетинском есть название *номылус* для *altera uxore* «второй жены из низшего сословия». Слово лексикографируется с пометой «историзм», т.к. за последнее столетие имело место отмирание института *номылус* «вторых жен», «именных жен», «номинальных жен». Во множественном числе зареги-

стрированы две формы *номылустæ*, наряду с формой *номылустытæ*.

Обращают на себя внимание три параллельные формы *файнустæ* / *файнусттæ* / *файнустытæ* «жены братьев», «ятрови». Регулярная форма регистрируется единожды А.А. Шифнером. Зафиксирована в письменной системе Шёгрена, т.к. относится к середине XIX в., имеет вид *файнустъ* [5, 11]. Запись 1868 г. является одной из самых ранних фиксаций формы этого слова, что, несмотря на ее отсутствие в современном осетинском языке, не позволяет игнорировать данную форму и дает основания восстанавливать подобные регулярные формы и для других когнатов основы *ус-.

Уточнение причин появления, существования и сохранения форм параллельного множественного в осетинском языке может быть продуктивным для изучения закономерностей языкового развития, его особенностей и непредсказуемости, эволюции общественных институтов и общественной морали.

1. Цопанова Р.Г., Качмазова Е.С. Категория числа имени существительного в системе стилистических средств // Филологические науки. 2016. № 8(50). Ч. 5. С. 147-150.
2. Morgan L.H. System of Consanguinity and Affinity of the Human Family. Washington, 1871.
3. Шёгрэн А.М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844.
4. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1881.
5. Шифнер А.А. Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым. СПб., 1868.
6. Грамматика осетинского языка / Под. ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963. Т. 1.
7. Hübschmann H. Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache. Strassburg, 1887.
8. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
9. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., Т. 4.
10. Гутиева Э.Т. Об эпитезе -t- в форме множественного числа в осетинском языке // Кавказ-Форум. 2021. Вып. 6(13). С. 39-51.
11. Ирон-уырыссаг дзырдугат / Сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ, 2019. Т. 4. (на осет. яз.)
12. Ирон-уырыссаг дзырдугат / Сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ, 2018. Т. 3. (на осет. яз.)
13. Харебаты Л.П. Радость и печаль. Цхинвал, 1987.
14. Албортты Хадзы-Умар. Мадæлтты поэмæ // Мах Дуг. 2002. № 2. (на осет. яз.)

15. *Bielmeier R.* Zur Entwicklung der ossetischen Deklination // Indogermanische Forschungen. Berlin, 1982. No. 87.
16. *Гуриев Т.А.* Памятник особого рода: язык. Владикавказ, 1995.
17. *Дзибель Г.В.* Индоевропейские термины родства, индоевропейские ларингальные и проблема языкового родства // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб.: МАЭ РАН, 2012. Вып. 13. С. 24-32. [электронный ресурс]. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-200-5/>
18. *Thordarson F.* Ossetic grammatical studies. Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. 255 p.
19. *Назарова З.О.* Лингвистические проблемы сохранения и документации малых народов // Малые языки и традиции: существование на грани. 2005. Вып. 1. С. 203-210.
20. *Марзоев И. Т., Абдоллахи М.* Генеалогический аспект изучения нартовского эпоса // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 27(66). С. 50-57.

Gutieva, Elmira T. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); gutieva@list.ru

SEMANTIC AND STYLISTIC BASIS OF MORPHOLOGICAL DOUBLETS.

Keywords: plural, grammatical meaning, declension paradigm, kinship terms, archaization, the institution of marriage.

Parallel plural forms in the Ossetian language are found both in the borrowed words, which may sign the degree of assimilation of a loan, and in the declension of the original words. Such forms are noted mainly in the system of kinship terms, their analysis makes it possible to clarify ideas about the etymological development of the individual words, about the general development of morphological system, and semantic processes in the system of terms of kinship. Extrapolation of data from other languages, as well as diachronic analysis of the Ossetian material, proper, makes it possible to fill in the missing elements of the matrix. Based on the comparison of the parallel forms of the plural of kinship terms, a conclusion is made about the linguistic need to mark different meanings in a morphological way, to indicate the collective plural, peculiar to a number of languages, to distinguish between the simple plural and the collective, and to designate the stylistic features of one form or another. Particular attention is paid to the absence of a regular plural form in the Ossetian lexeme of affinity “us” – “wife”. The presence of parallel forms may reflect the initial existence of the paronyms, in which, due to the minimal semantic distance between them and the high homonymy, there was a contamination of two declension paradigms. The paronym, formed by the suffix of the terms of kinship, could have meant “wife”, respectively, the paronym without the formant could have been used in the meaning of “woman”. The formation of plural forms could also be influenced by other linguistic processes. Both the emergence and loss of doublet forms could be accounted for by extralinguistic factors.

REFERENCES

1. *Tsopanovа, R.G., Kachmazova, E.S.* *Kategoriya chisla imeni sushchestvitel'nogo v sisteme stilisticheskikh sredstv* [Category of the number of a noun in the system of stylistic means]. *Filologicheskiye nauki* [Philological sciences]. 2016, no. 8(50), part 5, pp. 147-150.
2. *Morgan, L.H.* *System of Consanguinity and Affinity of the Human Family.* Washington, 1871.
3. *Sjögren, A.M.* *Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-*

osetinskim [Ossetian grammar with a short dictionary of Ossetian-Russian and Russian-Ossetian]. St. Petersburg, 1844.

4. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian etudes]. Moscow, 1887.

5. Shifner, A.A. *Osetinskie teksty, sobrannyye Dan. Chonkadze i Vas. Tsoraevym* [Ossetian texts collected by Daniil Chonkadze and Vasily Tsoraev]. St. Petersburg, Academy of Sciences, 1868.

6. Akhvlediani, G.S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Grammar of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, 1963, vol. 1.

7. Hübschmann, H. *Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache*. Strassburg, 1887.

8. Trubachev, O.N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya* [History of Slavic terms of kinship and some of the most ancient terms of the social system]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1959.

9. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of sciences, 1989, vol. 4.

10. Gutieva, E.T. *Ob epiteze -t- v forme mnozhestvennogo chisla v osetinskom yazyke* [On the epithesis -t- in the plural form in the Ossetian language]. *Kavkaz-Forum* [Caucasus-Forum]. 2021, iss. 6(13), pp. 39-51.

11. Guriev, T.A., Gutieva, E.T. (comp.). *Iron-uyryssag dzyrduat* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2019, vol. 4. (in Ossetian)

12. Guriev, T.A., Gutieva, E.T. (comp.). *Iron-uyryssag dzyrduat* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2018, vol. 3. (in Ossetian)

13. Kharebaty, L.P. *Radost' i pechal'* [Joy and Sadness]. Tskhinval, Iryston, 1987.

14. Alborty, Khadzy-Umar. *Madælyt poemæ* [Mothers' Poem]. *Makh Dug* [Our epoch]. 2002, no. 2. (in Ossetian)

15. Bielmeier, R. Zur Entwicklung der ossetischen Deklination. *Indogermanische Forschungen*, Berlin, 1982, No. 87.

16. Guriev, T.A. *Pamyatnik osobogo roda: yazyk* [A monument of a special kind: language]. Vladikavkaz, 1995.

17. Dzibel, G.V. *Indoevropskie terminy rodstva, indoevropskie laringal'nyye i problema yazykovogo rodstva* [Indo-European kinship terms, Indo-European laryngeal and the problem of linguistic kinship]. *Algebra rodstva. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva*. [Algebra of kinship. Kinship systems. Systems of kinship terms]. St. Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, 2012, iss. 13, pp. 24-32. [electronic resource]. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-200-5/>

18. Thordarson, F. *Ossetic grammatical studies*. Wien, Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. 255 S.

19. Nazarova, Z.O. *Lingvisticheskie problemy sokhraneniya i dokumentatsii malykh narodov* [Linguistic problems of preservation and documentation of small nations]. *Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani* [Small languages and traditions: existence on the edge]. Moscow, 2005, iss. 1, pp. 203-210.

20. Marzoev, I.T., Abdollahi, M. *Genealogicheskiy aspekt izucheniya nartovskogo eposa* [Genealogical aspect of studying Narts' epic]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 27(66), pp. 50-57.